

КАПЛЯ В МОРЕ СМЕРТЕЙ ОТ НАРКОТИКОВ

СПЕЦИАЛИСТЫ СЧИТАЮТ,
ЧТО СТАВИТЬ НАРКОМАНОВ
НА УЧЕТ НАДО ПРИНУДИТЕЛЬНО
ПО ФАКТУ УПОТРЕБЛЕНИЯ
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

— Я продолжу вопрос. Инструмент появился, вы перекрыли все возможные способы доставки спайсов в Россию...

— Кстати, если у нас будет в 30 раз больше сотрудников, мы на самом деле сможем закрыть границу на замок. Но смысла в этом нет. Поймите, проблема сейчас не в спайсах, не в героине или метадоне, не в амфетаминах, не в марихуане, проблема — в наркопотребителях. Закроем границу — у нас опять появятся еще триметилфентанил, дезоморфины, гамма-бутиролактон. Опять же смертельно опасные вещества. Закроем лаборатории по производству этих веществ — появится новое вещество. Или старое. Вспомните клей «Момент». Так что проблема — в наркопотребителях. Здесь необходимо что-то решать. Причем срочно.

— А что тут сложного? Вот наркоман. Его надо сажать или лечить...

— Вот здесь, прошу, донесите до своих читателей то, что по роду деятельности знаем мы. Наркомания не лечится. И это безусловно. Если человек начал принимать наркотики, все мы можем только облегчить его смерть. И к наркологу наркоман идет в основном не лечиться, а снизить дозу. А если даже он смог избавиться от пристрастия, то через год или несколько лет наступает ремиссия. Исключения очень редки — единицы.

Потом, у нас очень высок латентный наркотизм. Большинство употребляющих наркотики не попадают в поле зрения правоохранительных органов и медиков. И наркоманом не считается тот, кто не пришел к наркологу лечиться и встать на

учет. Таких у нас 11 тысяч. В этом году зарегистрированы 405 больных наркоманией. Всех остальных мы не имеем права не только лечить, но и называть наркоманами.

— Что-то вы страшную картину нарисовали. Так что же делать? Нет никаких рычагов?

— У нас появился инструмент, когда судья может обязать употребляющего наркотики пройти лечение, а мы можем штрафовать, если осужденный это решение не исполняет. Но таких судебных решений по пальцам пересчитать. Нам нужен массовый инструмент.

— И каким он может быть?

— Давайте так: мы кое-что обсуждали, но пока юридически это не сформулировано, тем более нет никаких официальных предложений и инициатив. Не делайте это новостью. Но есть здравая мысль, которую я прошу транслировать, если хотите, для общественного обсуждения. И сейчас я с вами буду говорить не как человек в погонах. Мы должны ставить на учет наркопотребителей. И не по их добровольному согласию, а по факту обнаружения в их крови наркотических веществ.

— Как вы представляете себе такую схему?

— Вы сдаете анализы. И врач обнаруживает в крови психотропные вещества. Или участковый получает информацию, что в вашей квартире наркопритон. Эта информация сразу же передается нам, а от нас — наркологу. Который вас вызывает. Если вы не приходите, вас ставят на учет. Если вы приходите и у вас в крови опять находят следы психотропных веществ, вас ставят на учет. А если вы приходите и объясняете, что вы не наркоман, а просто принимали определенные лекарства и это подтверждается, вас не ставят на учет.

— А что дает этот учет?

— Когда медкомиссию для получения прав на вождение проходите, вас же спрашивают, состоите ли вы на учете у нарколога. Это учет наркозависимых. А в этом случае можно запрашивать информацию в базе данных наркопотребителей. И если вы там есть, прав вы не получите. Хотя, судя по вашему возрасту, если в вашей крови нашли наркотики, вы уже законченный наркоман. Я сейчас пекусь о детях. Я хочу напугать их этим учетом так, чтобы они боялись согласиться попробовать даже травку, если хотят водить машину, учиться в институте.

— Ну о детях-то, наверное, заботятся их родители...

— Вы знаете, мы постоянно проводим

Борьба с наркоторговлей должна стать делом не только правоохранительных органов, но и всего общества.

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА

О том, что такое лечение от наркомании, корреспондент «ВП» расспросил заместителя главного врача городской наркологической больницы Василия ЧЕРТОВА (на фото).

— По вашим же данным, у нас около 11 тысяч наркозависимых...

— Да, это те, кто встал к нам на учет.

— А сколько среди них героиновых наркоманов, сколько тех, кто употребляет синтетические наркотики, сколько курильщиков спайсов?

— У нас такого учета не ведется. Эти данные могут быть получены только со слов пациентов.

— Подождите, а как вы тогда лечите наркоманов, если, условно говоря, не знаете, что они употребляли?

— Мы лечим не наркоманию, а синдром отмены наркотиков. Это симптоматическое лечение.

— Объясните, пожалуйста, мне не очень понятно. Синдром отмены... Под ним вы подразумеваете ломку?

— Я подразумеваю синдром отмены. И так, он проявляется в разных симптомах. Кто-то чувствует сильную боль. Например, в суставах. Кто-то испытывает депрессию. Мы лечим эти симптомы.

— То есть, если говорить простым языком, одним вы даете анальгетики, а другим — антидепрессанты?

— Если говорить простым языком.

— А какие-нибудь препараты или аппараты, которые, например, убирают зависимость, у вас есть?

— Здесь скорее психологическая работа. Наши учреждения располагают всеми условиями, обеспечивающими этапность в лечении, а также непрерывность лечебного и реабилитационного процессов. Есть сеть наркологических кабинетов, стационар, реабилитационные центры. Есть много негосударственных наркологических организаций, оказывающих реабилитационные услуги на договорной основе с государственными учреждениями. К ним поступают пролечившиеся больные. Государственные клиники контролируют методики лечения и условия содержания наркозависимых больных. Таких организаций в городе шесть и есть два учреждения, работающих под патронатом православной церкви.

— Подождите, но наркологи сами говорят о неизбежной ремиссии...

— Поэтому мы считаем, что самым важным шагом в борьбе с наркоманией будет введение серьезной ответственности за неявку по решению суда для прохождения диагностических процедур в медицинских организациях. Чтобы каждому человеку стало понятно, что потребление наркотиков реально связано с риском попасть в поле зрения медицинских сотрудников, органов исполнительной власти и быть в той или иной степени ограниченным в правах. Иначе это — симптоматическое лечение, реабилитационные центры, ремиссия. И все по новой.

тесты в школах. Как раз берем анализы на наличие наркотиков. Эти тесты — с согласия родителей. И родители многих детей запрещают нам проводить такие исследования. Потом, правда, бегут к нам, заламывая руки, мол, ребенок невменяемый, что же вы ничего не делаете? А что мы можем сделать, если он уже подсел? Только облегчить на время страдания. Наркомания не лечится.

— Ладно, тесты и дети — это отдельный разговор. А как же свобода выбора? Если брать предложенный вами принцип, то на меня могут наступать соседи, коллеги по работе...

— Ну и что? Вы придете к наркологу, анализы у вас будут чистые — и никаких проблем. Вы же не возмущаетесь, когда допинговая комиссия среди ночи врывается в дом спортсмена и перерывает личные вещи, берет анализы. Вы же не возмущаетесь, когда санитарная служба задерживает и сажает под замок человека с подозрениями на вирус Эбола? Так наркомания — это такая же эпидемия.

— Ну, знаете, здесь надо много думать...

— Я и не говорил, что это единственное решение. Может, кто-нибудь умнее предложит еще что-нибудь. Просто уже пора собираться, думать и что-то решать. Вы знаете, в Швеции употребление наркотиков уголовно наказуемо преступлением. Но там не было ни одного приговора. Просто правоохранительные органы таким образом получили возможность под страхом тюрьмы заставить подозреваемого в наркопотреблении сдать анализы, идти лечиться...

— Знаете, это лечение, во всяком случае в нашей стране, — какая-то профанация...

— Этот вопрос не ко мне. Это вам к медикам.

Беседовал Михаил ТЕЛЕХОВ
Фото Натальи ЧАЙКИ и Управления
ФСКН по Санкт-Петербургу
и Ленинградской области